

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Игорь НЕГАТИН

Орландо де Брега

**РЫСЬ
ГОСПОДНЯ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н41

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована
работа художника *И. Хивренко*

Негатин, Игорь Якубович.

Н41 Рысь Господня : [фантастический роман] / Игорь Негатин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-84858-4

Летописи монастырей всегда привлекали внимание исследователей, но среди множества хроник навсегда ушедших времен можно обнаружить и совершенно удивительные истории, далекие от богословских споров, только гораздо более увлекательные. «Рысь Господня» — одна из них. Воспоминания монаха о далекой юности и чудесных открытиях, с которыми ему довелось столкнуться на пути к зрелости. Это была суровая, но справедливая эпоха, когда добрый клинок вершил Божий суд, а ведьмы и прочая нечисть еще существовали на самом деле, а не превратились в персонажей сказок и легенд. Именно тогда в монастыре Святой Женеьевы объявился Орланд де Брег — дворянин, искусный фехтовальщик и оборотень...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Негатин И., 2016**

© **Оформление.**

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84858-4

От автора

Эта старинная рукопись попала в мои руки случайно, и, должен признать, мне совсем не хотелось корпеть над ее страницами, часть из которых была изрядно испорчена, а состояние уцелевших оставляло желать лучшего. Несмотря на эти досадные обстоятельства, работа над переводом была начата. Я был обязан прочесть эти записи. Хотя бы из уважения к настоящему автору, который обращался к нам из глубины веков.

Неожиданный интерес, возникший в процессе работы, заставил меня изучить и другие источники, которые — к величайшему удивлению — подтвердили некие факты, изложенные в настоящей рукописи. Пришлось изменить названия городов и убрать из перевода точные даты, которые связывали происходившее с реальной историей и могли подтолкнуть излишне авантюрного читателя к опасным исследованиям и тайнам, часть из которых не разгадана до сих пор...

Глава 1

Приступая к повествованию, которое будет изложено в должной последовательности и приличествующим сему образом, я бы меньше всего хотел, чтобы эти записи стали доступны простым мирянам. Причиной тому и титулованные особы, упомянутые на этих страницах, и события, в которых они участвовали. Некоторые истории настолько невероятны и ужасны, что мне как автору этих строк стоило бы серьезно беспокоиться возможным вниманием со стороны Святого Трибунала¹.

Как бы ни случилось, но я, уповая на милосердие Господа нашего Иисуса Христа, обязан записать все, что видел и знаю. Тем паче что сказания затрагивают не только дела земные, но и нечто большее, сокрытое от людского разумения. Несмотря на эти трудности, вера в пытливость ума человеческого дарит надежду, что потомки смогут разобраться в описанных мной загадках и отделить Божий промысл от козней диавола. Мне же, как свидетелю этих событий, не хотелось, что-

¹ Так в оригинале рукописи (здесь и далее прим. переводчика).

бы имена — некогда весьма известные — были опорочены лживыми летописцами и досужими бездельниками, которые называют себя истыми знатоками древних времен. Среди достойных — требующих упоминания и уважения — человек, о котором вы, без всякого сомнения, слышали множество раз. Человек, чья жизнь была окутана тайной, а его деяния служили источником для бесчисленных легенд и преданий.

Орландо де Брег...

Да, именно под этим именем он был известен в нашем королевстве. Я познакомился с ним сорок лет назад. Много воды утекло с тех пор! Менялись короли и правители, на картах появлялись новые земли и новые государства. Много, что казалось незыблемым, обратилось в прах, но воспоминания терзают мою душу и воскрешают дела минувших, канувших в Лету дней. Возможно, что всему виной старческое прекраснодушие или желание пережить свою молодость еще раз. Пусть даже так — в призрачной дымке размышлений, под тихий шелест книжных страниц и дневниковых записей.

Какие бы противоречивые чувства я ни испытывал к этому человеку, должен признать, что наша встреча не была случайной. Иногда мне кажется, что само Провидение связало нити наших судеб с неведомой, но, без сомнения, важной целью. Долгие годы мы сражались бок о бок, и это обстоятельство дает мне право выразить личное мнение и развенчать некоторые мифы, которые ему приписывают. Если учесть мой почтенный возраст, то сей труд станет последней попыткой

разгадать тайну и понять: кем же он был на самом деле? Грешником, наказанным Всевышним за пылливый ум, безудержную храбрость и благородство, или же святым мучеником, заключенным в темницу нестерпимой боли?

Орландо де Брег... Оборотень из монастыря Святой Женевьевы.

Прежде чем я возьмусь за перо и начну повествование об этом человеке, полагаю, будет правильным сказать несколько слов и обо мне самом. Надеюсь, что читатель воспримет эти откровения не как безудержную гордыню, а всего лишь как скромную помощь летописца, чистосердечно признающего и свои ошибки, и свои маленькие победы лишь для того, чтобы предоставить полную картину прошлых лет.

Мой дорогой отец, барон Гийом де Тресс, владел небольшим и обветшалым замком, который находился на северной границе королевских земель. Даже сейчас, когда память меня подводит и заменяет суровое прошлое красочными воспоминаниями, я возвращаюсь во времена своей юности с неожиданной теплотой и нежностью. Как наяву, вижу неприступные стены, высокий донжон и хмурую надвратную башню, окутанную густым плющом, в котором вили гнезда маленькие и очень юркие птицы.

Отец получил грамоту на эти земли из рук самого Фрегенсби, деда нынешнего монарха, в награду за свою храбрость и бесстрашие в битве за Элонг. Раны, полученные в сражении, не позволили продолжить службу, и он, тогда еще молодой и крепкий мужчина, удалился на покой. Женился

и дождался троих сыновей: Себастьяна, Валери и меня — Жака де Тресса. Вскоре после моего рождения умерла матушка. Наш отец тяжело перенес утрату, но, должен признать, он сделал все для воспитания сыновей. Вырастил и дал образование, и не только нам: оказывал должную поддержку своим бастардам, чьи потомки, вслед за своими отцами, унаследовали буйный баронский нрав и огненно-рыжую шевелюру. Все, кроме меня, Жака, который, словно в память о почившей матери, был награжден смуглой кожей, темно-серыми глазами и густыми прядями русых волос. Я был высок и довольно крепок. Широкие скулы, нос с небольшой горбинкой и узкие, всегда сжатые губы — в память о строгом воспитании и упрямом нраве, которым отличались все наши предки.

С младенческих лет мы находились на попечении учителя — Барта Уэшема, который был старым другом нашего отца и также получил увечье на королевской службе. Наставник не любил пустопорожней болтовни, а единственным достойным мужчины занятием полагал ремесло воина. Поэтому все свободное время мы проводили на заднем дворе, где постигали искусство фехтования, или в седлах, разъезжая по окрестностям замка.

Уэшем был жестоким наставником! Непогода во время занятий радовала его больше, чем кувшин вина или крутобедрая крестьянка из ближайшей деревни! Мы с братьями месили грязь, а он стоял рядом и проклинал тот день, когда взвалил на свои плечи заботу о нашем воспитании. За любую, самую мельчайшую, провинность жестоко наказывал. Сотни раз мы падали на землю, сбитые с ног

его сильными ударами, но поднимались, вытирали кровь и мечтали побыстрее вырасти, стать сильными и отомстить нашему мучителю. Не прошло и пяти лет, как мы изменили свое отношение и поняли, что мастер Барт желал только добра, готовя нас к тяжелым жизненным испытаниям.

Когда моему старшему брату минуло семнадцать, отец собрал нас в зале и объявил свою волю. Мы узнали, что Себастьян унаследует замок и земли, а Валери, которому на тот момент исполнилось шестнадцать, отправится в столицу, где поступит на королевскую службу. Мне, как самому младшему, не оставалось ничего, кроме возможности жениться на тридцатилетней вдове, чьи владения граничили с нашими, или уйти в монастырь.

Сама мысль, что придется разделить ложе с этой женщиной, повергала меня в ужас. Она похоронила двух мужей и теперь подыскивала очередную жертву. Вспомнив ее тучное тело, похотливый взгляд и жирный, покрытый бородавками подбородок, я, даже не задумываясь, выбрал служение Богу. Получив отцовское благословение и простившись с домочадцами, я отбыл в портовый город Баксвэр, где и находился монастырь Святой Женевьевы. Так уж случилось, что я первым покинул отчий кров. Как сейчас вижу братьев, стоящих на пороге нашего дома, Барта Уэшема и отца, который опирался на свою толстую и тяжелую трость.

Себастьян прожил долгую жизнь, но мы больше не встречались. Валери дослужился до капитана королевских стражников и был убит в одном из сражений Десятилетней войны. Последний раз мы

виделись за месяц до его смерти. Валери де Тресс был смелым человеком, а его военные подвиги заняли достойное место в летописях нашего королевства.

Настоящее редко заботит людей. Они предпочитают жить мечтами о временах грядущих или предаваться сладким воспоминаниям, которые будоражат охладевшую кровь. Будущее мне неподвластно, и посему я вернусь в годы моей юности, когда и началась эта история...

Глава 2

Дождь начался на рассвете и не прекращался до самого вечера. Узкая дорога, петлявшая между холмами, превратилась в болото. Под копытами лошадей сочно чавкала липкая грязь, и нам с каждым шагом становилось все тяжелее идти вперед. Оберегая ноги, а может, и свои шеи, мы давно спешились и вели лошадей за поводья, выбирая места посуше, чтобы не оставить в глине подметки насквозь промокших сапог.

Позади меня медленно шел Пьер — высокий и плечистый парень с копной черных волос, толстыми губами и маленькими пороссячьими глазками. Сильные руки, крепкие кулаки и мощная шея. Он работал в нашем замке, помогая восстанавливать пострадавшую от пожара конюшню, но нынешний год выдался неурожайным, и никто не хотел оставлять на зиму лишние рты. Отцовский управляющий, посоветовавшись с мастерами, расплатился с парнем за работу и отказал от места. Так уж случилось, что это событие самым чудес-

ным образом совпало с моим отъездом в монастырь. Пьер подкараулил меня во дворе и, комкая в руках дырявый колпак, попросил позволения сопровождать в город, где он надеялся найти занятие, чтобы пережить зиму.

Казалось, что лучшего спутника нельзя и представить, но увы, несмотря на свою силу, он был добрым и богобоязненным человеком. Даже шутки, на которые так щедрны мастеровые, не вызывали в нем злобы. Попавшись на очередную уловку, этот увалень разводил руками, смущенно топтался на месте и виновато улыбался, словно не мастера, а сам Пьер был виноват в их глупой проделке. За время нашего путешествия мы неплохо поладили, и я откровенно жалел, что вскоре расстанусь с этим парнем. Увы, но послушнику слуга не положен.

— Святые угодники... — вздохнул парень и покосился на небо.

— Не слишком ли часто их поминаешь, Пьер? Если они так добры, то почему бы им не разогнать тучи?

— Грешно так говорить...

— Это еще почему?

— Все же в святую обитель направляетесь.

— Когда прибудем, тогда и помолимся, — отозвался я и потянул за собой лошадь. — Пошла!

— Ох, грехи наши тяжкие...

Вскоре мы вышли на равнину, и редкие перелески сменились дубравами. Иногда, словно издеваясь над уставшими путниками, проглядывало солнце. Редкие лучи пронзали мрачные, будто залитые свинцом тучи и тут же прятались, не

оставляя надежды даже на малую толику тепла. Стояла поздняя осень, и пышное золотое убранство сменилось скользким ковром из потемневших листьев. Было жутко холодно, а промозглый северный ветер лишь дополнял эту безрадостную картину, проникал под одежду и заставлял плотнее запахнуть тяжелые от влаги плащи.

Мы перебрались через ручей, но не успели сделать и ста шагов, как показались несколько бродяг, которые вышли из леса и преградили нам путь. В горле вдруг пересохло, и я вспомнил все рассказы о тех ужасах, которые подстерегают путников на этих дорогах.

Что касается скудного имущества, то несколько тощих мешков, притороченных к седлам, составляли все мои богатства. Не считая котомки Пьера, которую он нес за плечами. Среди вещей было чистое белье, мешочки с крупами и сухарями, кусок солины и баклажка с вином, которую мы заполнили сегодня утром, когда проходили мимо деревенского трактира. Оружия, кроме охотничьего кинжала, висевшего на поясе, и топора, который нес Пьер, не было. Отец, отправляя меня в дорогу, сказал, что будущему монаху не пристало носить меч...

Подробности происшествия, которое последовало за появлением этих людей, стерлись из моей памяти. Это свойственно человеку — забывать все неприятное, что происходило в его жизни. Увы, это не касается тех пережитых ужасов, которые навсегда врезаются в память и возвращаются ужасными ночными кошмарами.

Все, что запомнил, так это начало короткой и бесславной стычки. Первый разбойник, который

легко поигрывал тяжелой дубинкой, походил на горного тролля — уж слишком был крепок. Казалось, что его тело высекли из куска гранита, но позабыли сгладить углы и сколы. Он окинул меня взглядом и довольно ощерился, показывая остатки гнилых зубов, почерневших от дурной пищи. Косматые волосы слиплись от грязи и походили на овечью шкуру. Жаль... Жаль, что он не овца. Было бы гораздо легче выпустить ему кишки! Он что-то крикнул, но я уже не слышал. Кровь! Она стучала в моих ушах, словно кузнечный молот. Кто-то из его подручных бросился вперед и попытался меня схватить, но уроки, данные мастером Бартом, не прошли даром! Я, даже не задумываясь, скользнул в сторону и, резко развернувшись, ударил его кинжалом в спину!

Послышался крик, затем стон и предсмертный хрип! Кто-то сквернословил и даже рычал, как дикий, загнанный охотниками зверь. Меня ударили, а затем свалили на землю, вдавливая в дорожную грязь. Еще удар, и я задохнулся от нестерпимой боли! Противник был слишком тяжел и крепок для пятнадцатилетнего юнца. Единственное, что запомнил, — его безумный взгляд, горевший злобой и ненавистью. В глазах темнело, и я уже прощался с жизнью, но послышался лошадиный топот, и голова моего врага треснула! Клянусь — она треснула, как перезревшая дыня! Хватка ослабла, а его горячая кровь брызнула мне в лицо, но это было не важно! Проклятый разбойник вздрогнул и завалился на бок. Я лежал в луже и хватал ртом холодный живительный воздух. Жив! Жив... Признаюсь — был так испуган, что даже не слышал,

что происходило вокруг, пока не заметил мужскую фигуру, которая нависла надо мной.

— Вы ранены? — спросил он.

— Нет. — Я сбросил оцепенение и покачал головой. — Это... это чужая кровь.

— Как вас зовут, сударь?

— Жак. — Я попытался стереть с лица грязь, но только размазал и окончательно стал похож на безродного бродягу, который подрался из-за куска хлеба. — Жак де Тресс.

— Гийом де Тресс ваш родственник?

— Родной отец.

— Вот как? — Он удивленно дернул бровью и посмотрел на меня.

— Не знаю, как вас и благодарить... — прохрипел я.

— Пустое, мой друг! Вы храбрый юноша, Жак де Тресс! — сказал незнакомец и улыбнулся. Потом протянул руку и помог подняться. — Будь на дороге светлее, вы бы и сами прекрасно справились с этими негодьями.

Кровь ударила в голову, и я почувствовал, как краска заливает лицо. Мне стало безумно стыдно перед этим благородным человеком, который не только спас мою никчемную жизнь, но и помог сохранить достоинство в жалкой и позорной схватке. С большим трудом взял себя в руки и посмотрел на своего спасителя. Он перехватил взгляд и представился:

— Меня зовут Орlando де Брег. К вашим услугам!

Это был мужчина лет двадцати пяти. Если и позволительно сказать о мужчине, что он кра-